

II.

С. Аскольдовъ.—Алексѣй Александровичъ Козловъ. М., „Путь“. 1912.

Настоящая монографія С. Аскольдова принадлежитъ къ числу изданій Московскаго книгоиздательства „Путь“, поставившаго себѣ цѣлью способствовать распространенію идей совершающагося нынѣ религіозно-философскаго возрожденія и уясненію исторіи современнаго религіознаго идеализма. Книга о Козловѣ является вторымъ по времени изданія выпускомъ изъ серіи „Русскіе мыслители“, которая должна въ рядѣ изслѣдованій обнять всѣ важнѣйшіе моменты роста идеализма и религіозной философіи на Руси.

А. А. Козловъ не принадлежалъ къ числу мыслителей, пользовавшихся успѣхомъ и извѣстностью при жизни, да и до сихъ поръ не осуществилась его увѣренность въ томъ, что его философіи суждено получить распространеніе въ широкихъ кругахъ общества и полное признаніе. И однако, уже съ чисто-исторической точки зрѣнія, какъ моментъ въ развитіи русской мысли, его философія и его личность полны интереса и важности. Онъ является прежде всего защитникомъ метафизики, какъ системы знанія, защитникомъ правъ на существованіе философіи противъ разнообразныхъ нападокъ позитивизма и эмпиризма. Принявшись за систематическое изученіе философіи уже въ возрастѣ около 40 лѣтъ, Козловъ, черезъ рядъ философскихъ увлеченій, оставившихъ на его возрѣніяхъ прочныя слѣды (черезъ Шопенгауэра и Гартмана, Канта и неокантіанцевъ, Лейбница, Лотце и Тейхмюллера), пришелъ къ собственной системѣ универсальнаго панпсихизма. Въ предѣлахъ настоящей замѣтки невозможно исчерпать всего матеріала названной книжки и отмѣтить хотя бы въ общемъ весь ходъ мыслей Козлова. Но съ оцѣнкой его дѣятельности, данной у Аскольдова, согласиться вполне невозможно. Конечно, большую цѣнность его полемики съ матеріализмомъ и позитивизмомъ, его борьбы за метафизику сомнѣнію подвергать не приходится; однако, врядъ ли безъ преувеличенія можно видѣть въ немъ „одного изъ основателей христіанской философіи въ Россіи“ (с. 218). Разумѣется, защита субстанціальности духа является важной апологетической заслугой; но трудно увидѣть христіанскія возрѣнія въ слѣдующемъ

разсужденіи С. Аскольдова: „мысль о нѣкоторомъ субстанціальному, независимомъ началѣ въ нашей душѣ неизбѣжно приводитъ къ мысли о болѣе первоначальномъ и всеобъемлющемъ живомъ единствѣ, котораго оно является лишь малымъ отраженіемъ. „Я есмь, конечно есть и Ты“—выводъ, неизбѣжный не только для мыслящаго о Богѣ поэта, но и для философа. Нельзя допустить личное начало въ частяхъ міра и не признавать его въ мірѣ, какъ цѣломъ“ (с. 214). Связующій здѣсь весьма явно пантеизмъ, не чуждый лейбницевоу монадологін, вообще врядъ ли можно назвать идеей христіанскоу. Далѣе, въ сравнительноу оцѣнкѣ дѣятельности Козлова и Соловьева мы встрѣчаемъ съ явную погрѣшность. врядъ ли возможно отрицать весьма значительную цѣнность концепцій Соловьева именно съ философскоу стороны, и несомнѣнно несправедливы слова Аскольдова, что Соловьевъ „даже не обозначилъ вполне четко и определенно своей позиціи какъ въ гносеологін, такъ и въ метафизикѣ“, что онъ „нуждался въ известномъ [чисто философскомъ. Г. Ф.] дополненіи, въ известномъ развитіи чисто-теоретическихъ первоосновъ христіанскоу метафизики“, о чемъ впрочемъ онъ „мало думалъ“ самъ. „Соловьева мы можемъ уподобить художнику и архитектору, взявшему на себя внѣшнюю архитеконику и внутреннее убранство храма“, фундаментъ котораго создавалъ вмѣстѣ съ другими Козловъ (с. 217—218). Значительная существующая нынѣ литература о Соловьевѣ даетъ полную возможность наперекоръ изложенному утверждать, что и гносеологическій фундаментъ у Соловьева былъ, и онъ былъ очень прочнымъ, что его общеметафизическіе взгляды тоже были достаточно ясны; и лишь на почвѣ соборности, провозглашенноу Соловьевымъ, и какъ орудіе познаніе, и какъ норма жизни, возможно обоснованіе истинноу философіи православно-христіанскоу. И несмотря на изобиліе пантеистическихъ струвъ въ построеніяхъ Соловьева, препятствующихъ принятію этихъ достѣднихъ въ цѣломъ, но нисколько не вынуждаемыхъ замысломъ его концепціи, идея субстанціальности духа, познающаго „я“, у него была раскрыта съ достаточной полнотоу уже въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“, гдѣ картина міра, рисуемая имъ, близится къ лейбницевоу, близится къ пансихизму.—Но все сказанное нисколько не клонится къ умаленію

заслугъ и значенія Козлова; лишь выставлять его зиждителемъ основъ христіанскаго міропониманія было бы натяжкой, особенно въ виду исключительности его спиритуализма. Однако, нельзя не принять его опредѣленія религии, какъ „синтетическаго единства дѣятельности духа“ (с. 176); впрочемъ, приблизившись въ этомъ пониманіи къ идеѣ цѣльнаго знанія, къ идеѣ цѣльнаго духа, которой жила философія славянофиловъ и Соловьева, Козловъ не смогъ соотвѣтственно уловить и высокаго значенія Церкви, которая у него всего лишь „институтъ“. Его отношеніе къ христіанству было не опредѣлившимся и, несмотря на важное значеніе его полемики противъ Льва Толстого, усилія Аскольдова доказать справедливость собственнаго заявленія его учителя, что „пантеизмъ... родственнѣе по своей сущности съ ученіемъ І. Христа, чѣмъ какое-либо другое философское направленіе“, нужно признать не достигающими цѣли.

Какъ бы-то ни было, Козловъ несомнѣнно сыгралъ крупную роль въ исторіи русской мысли, хотя опять таки „педагогическое“ значеніе его трудовъ, какъ знакомившихъ съ новостями Западной мысли, Аскольдовъ преувеличиваетъ, ибо какъ разъ „Современныя направленія въ философіи“ Козлова печатались въ мало доступномъ изданіи. Онъ принадлежалъ къ той вѣтви наиболѣе распространившагося на Руси „мистическаго рационализма“, какъ выразился Н. О. Лосскій, которая ведетъ свое начало отъ Лейбница; другая вѣтвь—мистическій идеализмъ Соловьева и Трубецкого—восходитъ къ нѣмецкой романтической философіи, и въ настоящее время эти два теченія, существенно разнородныя, говоритъ Н. Лосскій, „начинаютъ сближаться въ русской философіи и обнаруживаютъ склонность къ органическому сліянію“ („Обоснованіе интуитивизма“, Спб., 1908, 2 изд. 193 срв. пред.). Это сліяніе—, безъ сомнѣнія, „фактъ знаменательный для русской философіи“ (ib.): въ нѣмецкомъ идеализмѣ рѣзко выражено стремленіе къ космичности философіи и къ пониманію жизни человѣчества, какъ момента въ міровой эволюціи; въ монархологическихъ системахъ рельефно подчеркивается „реальное единство“ духа, идея субстанціальности. Ихъ сліяніе безусловно дастъ возможность дальнѣйшаго широкаго прогрессированія философствованія.

Въ этомъ смыслѣ изслѣдованіе Аскольдова весьма полезно

будетъ ознакомленіемъ съ идеями одного изъ главныхъ представителей монадологіи на Руси. Воззрѣнія Козлова изложены имъ обстоятельно, и получается полная возможность рельефно представить себѣ ихъ цѣльную картину. Весьма интересна также I часть, „біографическая“, вводящая въ литературу прежде неизвѣстный автобіографическій матеріалъ и данныя устнаго преданія. „Характеръ и личность А. А. Козлова“ такъ, какъ они обрисовываются по главамъ такъ озаглавленной въ нашей книжкѣ, еще лишній разъ подтверждаютъ, какъ далеко стоять покойный философъ отъ идеала христіанскаго мыслителя. Чувство церковности, христіанской мистичности ему было чуждо, и это сказалось также на его жизни. Здѣсь мы черпаемъ поучительный урокъ для будущаго: лишь въ нѣдрахъ Церкви зародится и разовьется христіанская философская мысль.

Георгій Флоровскій.